

Общежитие, выделенное стажёрам «Синего Центра», было небольшим, но и тесным его назвать было трудно — полутораспальной кровати вполне хватало на двоих. Однако, несмотря на прерванный поцелуй и ту нежность, с которой они только что расставались, ни Ланс, ни Чжань Пинчуань не поспешили пригласить друг друга к себе на ночь. Обоим требовалось личное пространство для выполнения собственных задач.

В итоге, по пути из общежития на службу, Чжань Пинчуань пребывал в смятении, а Ланс — в настороженном ожидании. Каждый втайне опасался, что другой первым заговорит о совместном ночлеге.

Ланс уже подготовил изящную отговорку.

«Скажу, что близится период жара, и я боюсь случайной искры, боюсь не совладать с собой. Это бы и маленького идиота не обидело, и звучало вполне разумно»

Чжань Пинчуань тоже не сидел сложа руки и, стиснув зубы, сочинил оправдание в духе жертвенного героя.

«Заявлю, что во время периода восприимчивости превращаюсь в неуправляемого зверя и впадаю в безумие, а потому ради безопасности Ланса вынужден изолироваться. Это должно было и маленькую лисичку растрогать, и снять любые подозрения в моей физической немощи»

К счастью для обоих, до самого начала смены повод для этих оправданий так и не представился.

Первый день не предполагал серьёзных задач — стажёров знакомили с обстановкой, хотя «обстановка» ограничивалась лишь теми зонами, куда им был открыт доступ: например, огромными офисами, где в тесноте трудились десятки людей. Первый район занимал первый и второй этажи. Сразу под ними, за слоем перекрытий, располагались подвальные уровни.

Пока Чжань Пинчуань мысленно заносил в память расположение запасных выходов, лифтов и вентиляционных шахт, которые могли вести на третий подземный ярус, он не переставал увлечённо болтать с Робертом.

— Учитель Ло, а там внизу — парковка? — как бы между прочим спросил юноша. — Я видел, что следователи ездят на чёрных «Альфах». У нас в «Синем Центре» выдают машины? Если я приду сюда работать, мне тоже позволят там парковаться?

Роберт обернулся и уставился на него своими голубыми глазами, словно на неотесанного деревенщину, невесть как сюда попавшего.

— Во-первых, моя фамилия Уайт, а не Ло. Во-вторых, ты что, в торговом центре? Какая ещё парковка в подвале? И в-третьих, служебный транспорт выдают только для оперативных заданий. Хочешь машину — купи сам!

В голосе Роберта сквозило явное пренебрежение, но Пинчуань и не думал обижаться. Он продолжал с сияющим видом:

— Раз парковки нет, значит, там всё принадлежит нашему первому району? Верно говорят — у нас тут самое перспективное место.

Роберт холодно хмыкнул:

— Первый район — лучший отдел, это бесспорно. Но подземелье нам не принадлежит. Первый уровень — это лаборатории, там в основном заправляют четвёртый и шестой районы. На втором уровне — склады, там хранится самое современное вооружение Федерации, которое выдаётся другим отделам только по предварительному запросу. Что же касается третьего уровня...

Роберт замолчал, словно раздумывая, стоит ли делиться такой информацией с новичком.

Чжань Пинчуань небрежно вставил:

— А, ну третий ярус — это, должно быть, секретный объект, о котором знает только верхушка «Синего Центра». В кино всегда так показывают.

— Пф, какие ещё секреты, — фыркнул Роберт, поддавшись на провокацию. — На третьем ярусе пылится гора бесполезных исторических архивов. Никому не нужное старьё.

Пинчуань изобразил крайнее удивление:

— Но ведь говорят, что никакой истории не сохранилось?

В хриплом голосе Роберта промелькнула гордость, присущая сотрудникам «Синего Центра»:

— В открытом доступе — нет, но у нас в архивах, разумеется, есть резервные копии. Только всё это — пустой хлам, не имеющий смысла. Никто туда и носа не жает.

Роберт был грузным и неповоротливым, ходил медленно, что давало Чжань Пинчуаню массу времени для наблюдений. Он мельком глянул в окно, затем снова перевёл взгляд на сопровождающего и, словно его осенило, выпалил:

— Учитель Уай, я знаю одного необычайно красивого Омегу. Он такой кроткий, послушный, к тому же лучший на курсе и просто помешан на истории. Могу я раздобыть для него какие-нибудь документы в качестве подарка на День Рассвета?

Тан Ли едва не поперхнулся.

«Можно было намекнуть ещё прозрачнее?»

— Ха! — Роберт, казалось, насквозь видел грязные мыслишки собеседника.

Многие Альфы, особенно с высоким рангом, в период восприимчивости наотрез отказывались от ингибиторов. Вместо этого они всеми правдами и неправдами заманивали хороших Омег к себе в постель. А те, неопытные, глядели на высокоуровневых Альф через розовые очки, впадали в любовный дурман и бесстыдно отдавались им на несколько дней. Но стоило периоду пройти, как Альфа натягивал штаны и исчезал в неизвестном направлении.

Роберт не сомневался: тот рыжеволосый наверняка влюблён впервые, он чист и застенчив, а этот черноволосый спит и видит, как бы затащить его в койку.

— Моя фамилия — Уайт, а не Уай. И придержи свои похотливые мысли при себе. Доступ к третьему подземному уровню есть только у начальников районов и членов Совета Федерации. Не вздумай подставить голову под пулю ради того, что у тебя ниже пояса!

Тан Ли поначалу и не думал о таком подтексте, но после столь грубого замечания лицо стажёра мгновенно вспыхнуло. Ведь не только у Альф бывают тяжёлые времена — у Омег тоже случается период жара, и когда он наступает, без ингибиторов совладать с собой практически невозможно.

Чжань Пинчуань беспечно усмехнулся, ничуть не задетый тем, что его приняли за подлеца. Он даже добавил с налётом циничного легкомыслия:

— Кто знает, может, я и не прочь «пасть смертью храбрых» ради любви? Неужели начальник нашего района не пойдёт навстречу?

Роберт, несмотря на ворчание, невольно раззадорился. Картина того, как невинного Омегу заманивают в ловушку мелкими подачками, метят его железу и подчиняют себе, была в духе его любимых сюжетов.

— Ну конечно! Пойди и скажи это начальнику. Посмотрим, захочет ли он лично разблокировать для тебя замок по сетчатке глаза и подавать запрос в Седьмой район на отключение инфракрасных датчиков — и всё это ради твоей интрижки на одну ночь, — съязвил Роберт.

— Если всё так сложно, то вряд ли получится, вы так не считаете, учитель Уайт? — протянул Чжань Пинчуань, вскинув брови и глядя на Роберта с надеждой, будто ждал, что тот горячо опровергнет его пессимизм.

Лю Бо подумал про себя:

«Это не „вряд ли“, брат. Это возможно только в том случае, если в мозги начальнику Первого района зальют дерьмо!»

Тан Ли же молча подивился тому, как Чжань Пинчуань — человек, который обычно веет холодом похлеще Эвереста или Килиманджаро, — умудряется так виртуозно разыгрывать эту сцену.

Роберт аж запыхтел от возмущения:

— Я думаю, у тебя гораздо больше шансов просто сдохнуть!

Чжань Пинчуань тяжело вздохнул, изображая глубочайшее разочарование.

Будь здесь Ланс, он бы никогда не заподозрил Чжань Пинчуаня в чём-то низменном. Он знал, как сильно тот его уважает, да и сам Ланс вовсе не был «чистым и застенчивым». Он бы мгновенно уловил, куда клонит собеседник, и вычленил главное — информацию о третьем подземном уровне. Сопоставив это с упоминанием Хэ Цзиньэня о протоколах допросов и отчётах вскрытий, он бы понял: личность Чжань Пинчуаня далеко не так проста. Тот явился в «Синий Центр» и даже в Университет Синчжоу с чёткой и явно непростой целью.

Но Ланса рядом не было. Его приписали ко Второму району, и сейчас один из следователей вводил его в курс дела. Проводником Ланса стал тот самый неудачник, которого в отделе было проще всего шпынять.

Когда человек оказывается на самом дне социальной иерархии и привыкает к несправедливости, он может измениться одним из двух способов. Первый — сохранить способность сопереживать таким же несчастным и протягивать им руку помощи. Второй — уподобиться мучителям, перенося свои страдания на тех, кто ещё слабее, считая это само собой разумеющимся. К счастью, Лансу достался первый вариант.

— С завтрашнего дня ты отвечаешь за раздачу еды. Понятия не имею, почему тебя на это поставили.

Ланс поднял взгляд, изображая любопытство:

— Учитель, разве это плохая работа?

— Не называй меня учителем, я просто Лаун, — застенчиво отмахнулся тот, отклоняя вежливость Ланса. — Для стажёра это не очень хорошо. Разносить еду — дело тяжёлое и хлопотное, у тебя почти не останется времени на другую практику.

Ланс задумчиво протянул:

— А сколько коробок нужно разносить? Я справлюсь, я работающий.

Лаун горько усмехнулся:

— Во Втором районе много народу. Только в штаб-квартире постоянно работают около двухсот человек. У многих свои капризы: у кого-то аллергия, у кого-то религия не позволяет что-то есть. Нужно всё записывать заранее, ещё с вечера. Если перепутаешь, мне-то, как коллеге, ничего не будет, а вот на тебя наверняка наорут.

Ланс мягко улыбнулся:

— Ничего страшного, я не боюсь криков. Двести человек — звучит внушительно, но это всего лишь два этажа.

Видя такой оптимизм, Лаун окончательно решил, что перед ним домашний ребёнок — студент, выросший в тепличных условиях и не знающий жизни. Точь-в-точь как он сам сразу после университета. Увидев в Лансе себя прежнего, Лаун не удержался и решил рассказать побольше, надеясь уберечь парня от ошибок.

— Запомни: начальнику Сы и его заместителю еду носить не нужно. Они люди мобильные, в офисе бывают редко. И ещё... на седьмом этаже есть один особенный...

Лаун замялся, подбирая слова, и наконец выдал максимально обтекаемую фразу:

— На седьмом этаже есть один особенный коллега. Он находится в комнате, обнесённой сетями «Цунци». Ты с ним особо не болтай — просто просовывай коробку в узкую щель внизу. Не факт, что он станет есть, но если откажется... ну, попробуй его уговорить. А в остальное не лезь.

Ланс незаметно прищурился.

«Особенный коллега? Сети „Цунци“ обычно используют в тюрьмах, откуда они здесь?»

Жизнь самого Лауна была безрадостной, а потому он легко проникался сочувствием к чужим бедам. Страдания в этом мире принимают разные формы, но финал у них чаще всего один — смерть. В реальности не бывает внезапных взлётов, триумфальных возвращений или

возрождений из пепла. Красивые сюжеты из кино почти никогда не случаются в жизни. Лаун лишь надеялся, что этот человек проживёт свои последние дни хоть немного легче. И потому он, сам того не замечая, разоткровенничался:

— На самом деле это карцер. В «Синем Центре» в каждом районе есть такие помещения — наказывать следователей за промахи. Но обычно там держат пару часов для проформы. С ним всё иначе. Он — S-ранг. Его заперли там ещё до того, как я пришёл в отдел, много лет назад. Говорят, он совершил страшное преступление, и начальник Сы оставил его в живых только под свою ответственность. Поэтому за ним нужен глаз да глаз.

— Значит, он преступник, — Ланс равнодушно скользнул взглядом по стенам, без зазрения совести пользуясь добротой Лауна. — Если честно, я терпеть не могу преступников. Все эти сказки про «перевоспитание» — сущая чушь. Будь людей так просто исправить, тюрьмы бы давно опустели. Как по мне, такие люди порочны от природы.

Ланс говорил всё более запальчиво — так, как подобает юноше его лет: бескомпромиссно, идеалистично и по-книжному.

Сердце Лауна сжалось:

— Он не такой преступник, как ты думаешь. Он... — Лаун нахмурился и тяжело вздохнул. — Он очень несчастен и, кажется, долго не протянет. Если увидишь его, будь хоть немного уважителен. Прошу тебя.

Ланс внимательно посмотрел на собеседника. По совести говоря, Лаун совершенно не подходил для работы во Втором районе — слишком мягкий, слишком доверчивый, лишённый всякой осторожности. Оливер был фигурой крайне опасной, а Лаун просил незнакомого стажёра проявить к нему доброту. При таком непредсказуемом начальнике, как Сы Хунчэ, открытая симпатия к Оливеру могла стоить жизни. Более того, если бы Ланс задумал недоброе или вызвал подозрения, он мог бы легко свалить всё на Лауна, и этот разговор стал бы неоспоримым доказательством, отправившим добряка в мир иной.

Такой уязвимый человек — идеальная брешь для любого, кто захочет ударить по Второму району. Но...

«Если бы Лао Лань был здесь, он бы наверняка назвал Лауна последней надеждой „Синего Центра“» — подумал Ланс.

Юноша изобразил крайнее изумление:

— Почему ты считаешь его несчастным?

Лаун замялся, ероша волосы, но, желая, чтобы Ланс всё же присмотрел за Оливером, решился:

— Начальник Сы... у него есть странная прихоть. Он любит унижать и мучить его. Тот сейчас в очень плохом состоянии, кажется, у него анорексия. Но если он отказывается есть, в него насильно вливают питательную смесь. Раз в день. Его мучительную рвоту слышно даже через стену... Это... это ужасно.

В глубине глаз Ланса на миг вспыхнула ледяная жажда убийства. Он едва заметно приподнял уголок губ:

— Анорексия — это ведь психологическое расстройство. Неужели в «Синем Центре» нельзя пригласить врача к заключённому?

Лаун поспешно покачал головой:

— Нет, в этом нет смысла. Разве что начальник Сы перестанет... Да и самому ему нужны воля и вера. Но мне кажется, он просто больше не хочет жить.

Ланс надолго погрузился в свои мысли, после чего нехотя кивнул:

— Ладно. Так и быть, я присмотрю за ним немного. Ради тебя.

Глаза Лауна радостно блеснули, и он с облегчением выдохнул:

— Правда? Только совсем чуть-чуть, не переусердствуй, иначе сам наживёшь неприятностей.

Тем же вечером Лаун специально поднялся на седьмой этаж. Он знал, что приходит сюда вне часов раздачи еды нельзя, знал, что тот человек его почти не помнит. Но мысль о том, что завтра кормить его будет стажёр, который может чего-то не учесть, заставила его прийти и предупредить Оливера.

Лаун нервно потер руки, стоя на почтительном расстоянии от двери и не пытаясь скрыться от камер наблюдения.

— Здравствуйте. Это я, тот, кто носит вам еду. Завтра меня сменит стажёр, и я не знаю, вернусь ли потом к этой задаче... Пожалуйста... старайтесь хоть немного есть.

Сквозь щели в сетях «Цунци» Лаун увидел, что Оливер сидит у окна. Окном это можно было назвать лишь с большой натяжкой — крохотное отверстие шириной в ладонь, служившее для вентиляции. Условия в карцере были суровыми. Однако именно сейчас сквозь эту узкую прорезь можно было увидеть луну.

Оливер сидел, закинув голову, и, не мигая, сосредоточенно смотрел в этот проём. Луна, серебристо-белая и холодная, сияла в безмолвии ночи, словно надтреснутый драгоценный камень, окутанный дымчатой вуалью. Он уже и забыл, когда в последний раз любовался таким прекрасным светом. Луна сияла так ярко, будто никогда и не заходила.

Наверное, тот золотистый кудрявый львёнок точно так же смотрел на фейерверки, расцветающие над крышей «Золотого дома». Жаль только, что приключения львёнка только начинались, а его путь подходил к концу.

Наступил День Рассвета, прибыли стажёры, а значит, близился и час его смерти. На самом деле это было прекрасно. Он хотел перед концом запомнить то небольшое светлое, что осталось в этом мире: этот дивный лунный свет, эти далёкие звёзды.

Запертый в четырёх стенах, душой он уже парил в бескрайних небесах. Наконец-то он обретёт свободу.

Лаун так и не дождался ответа, но он и не рассчитывал на него. Тяжело вздохнув, он понял, что человек за дверью снова ушёл в свой внутренний мир. В этом мире Лаун был лишь случайным прохожим, чье присутствие оставалось незамеченным. Но это не имело значения — пусть луна станет его прощальным словом.

Лаун развернулся, чтобы уйти, понурив голову. Но не успел он сделать и двух шагов, как за спиной раздался тихий, непривычно мягкий и слегка охрипший голос:

— Спасибо вам... господин Лаун.

<http://bllate.org/book/15867/1442685>